

ПЕРЕХОД ОТ ГЕРОИКИ К РЕЛИГИОЗНОЙ ГЕРОИКЕ В ДАСТАНЕ «КАХАРМАН КАТИЛ»

*Л.Х.Мухаметзянова, доктор филологических наук,
Г.Р.Ахметгалиева, аспирант I года обучения
ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ*

Ислам был на протяжении веков неразрывной частью духовного мира татарского народа. Как известно, после 1552 г., т.е. после утери государственности ислам служил духовным оплотом выживания татарского этноса. Разрушение государственности стало причиной падения не только военных, политических, но и идеологических структур. В ситуации народа, попавшего в зависимость от иноконфессионального правления, религия становится важнейшим признаком национальной самоидентификации. Широкое распространение героических по форме, но пронизанных философией ислама дастанов в народной среде вызвано стремлением самосохранения народа. В период, когда невозможно было открыто заявлять о проблемах духовной зависимости, дастаны становились площадкой для обсуждения животрепещущих вопросов. Новые социально-политические условия в составе Российского государства способствовали стабильному развитию у татар эпического творчества именно такого содержания. Народные варианты дастанов «Кахарман Катил», «Кыссаи авык», «Кыссаи Сякам», «Кисекбаш», «Джумджу-

ма султан» являются примерами подобных памятников. Татарские дастаны религиозного характера – стадийно новая группа героического эпоса, которая требует особого внимания. Для дастанного творчества тюркских народов эта тема ранее не разрабатывалась, в первую очередь, в силу определенных запретов на изучение религиозных аспектов художественной деятельности.

Среди татароязычных дастанов эта группа выделяется своей идеей и тематикой, своеобразным освещением сюжета и событий. Это – татарские национальные версии, возникшие под влиянием арабомусульманских письменных источников или освещающие события с религиозной позиции. Ограниченность, характерная для эпических сюжетов, эпических образов здесь обогащается религиозными элементами и мотивами. Например, герой в борьбе со своими врагами начинает уповать на помощь Аллаха. Если в древнетюркском эпосе он рассчитывал только на свои силы и в беспощадном бою добивался победы только ценой своих усилий, то здесь врагов (часто неверных) он побеждает с помощью Аллаха и подчинившись воле Ал-

лаха. Враги героя обладают качествами религиозных врагов (часто они выступают в образе кяфиров (кяфир – неверующий, неверный, безбожник, гяур¹).

Таким образом, следует сказать, что в героических дастанах религиозного характера эпические каноны подстраиваются под исламские каноны. Это очень важная особенность культуры, характерная для эпоса татар Поволжья.

Дастаны героико-религиозного характера – это творчество, в котором фольклорные традиции и индивидуальное творчество тесно переплетены. Поэтому они гармонично вписываются в ряд героических памятников, относящихся к категории книжного дастана². В сущности они являются героическими дастанами, т.е. как и героический эпос, пронизаны героикой. Но в силу религиозной темы в этих дастанах на пьедестал вместо могучего богатыря страны и народа поднимается пример героизма на пути веры, сюжет и события освещаются также своеобразно.

В различных научных центрах хранятся рукописи дастана «Кахарман Катил», переписанные татарами в XVIII в. А с начала XX в. он был несколько раз издан в типографиях Казани. Дастан «Кахарман Катил» описывает приключенческую героическую судьбу героев, в особенности главного героя, увлекает читателя своим полуреальным, полумифологическим сюжетом.

Слово «катил» с ударением на последний слог в переводе с араб-

ского означает «убийца»³. Исходя из сегодняшних эстетических соображений, такое прозвище не к лицу Кахарману Катилу. Но связь сюжета произведения с древним фольклором вполне допускает применение этого слова по отношению к герою произведения. Исходя из сюжета, становится понятным, что главный батыр в дастане Кахарман – и есть убийца, это слово следует воспринимать как есть. Он сражается с такой отвагой, что «рвет войско как три льва», «бьется, издавая рев дракона», «кровь погибших от его руки льется рекой» и др. В картинах, изображающих в дастане сражение, Кахарман никак не предстает как пример воспитанного благородства, он бесстрашный, безжалостный палач. Как это свойственно эпическому герою, он считает себя всегда правым, а врагов уничтожает. Следовательно, его своего рода «смертоносность» оправдывается на фоне борьбы за справедливость. Поэтому в содержании дастана на первый план выносятся не то, что Кахарман убийца, а то, что это необыкновенной силы богатырь, которому нет равных. Посвятив свой героизм святому делу – победе исламского войска, он прославляется верной службой своему падишаху. Несмотря на название «Кахарман Катил», в дастане он чаще всего упоминается как Кахарман, что в переводе означает «герой, батыр, богатырь».

Произведение достаточно сложное, в содержании которого нашли отголоски и архаические иранские пласты из священной книги Авес-

та – религии зороастризма, и пласты персидского мусульманства, и коранические мотивы, проникшие от арабов-мусульман, и влияние поволжских татар-мусульман, в том числе оно испытало влияние укоренившейся здесь этнической формы ислама. В татарском «Кахармане Катиле» можно выделить две большие сюжетные линии: религиозно-героическую и сказочно-мифологическую. Через события дастана, объединенные в единый сюжет, они находятся в тесной связи между собой. Эти две сюжетные линии и сами состоят из отдельных небольших хикаятов (рассказов), воспринимающихся как единое целое. Элементы, приближающие дастан «Кахарман Катил» к исламу, охватывают целиком и линию героического сюжета, и мифологическую часть, выполняют роль идеологического моста, объединяющего в дастане два больших сюжета.

Основная мысль произведения – усиление ислама. Преклонение перед Аллахом, упование на его милость всегда остаются главной точкой опоры в событиях произведения. Время и события в дастане обозначаются в соответствии со временем намаза (молитвы): «до ахшама», «после ахшама», «после полуденного намаза»; отношения богатыря и его возлюбленной укрепляются через никах; при описании событий каждое дело возлагается на волю Аллаха и исполняется с именами его пророков на устах, а героизм богатыря основан на условиях: «С помощью Аллаха», «Если Аллах даст сил» и т.д. Упоминание

имени Аллаха в тяжелых ситуациях, сборы в дорогу, полагаясь на Аллаха, воспринимаются в дастане как естественное явление.

События сюжета произведения, которые можно отделить в качестве мифологической части, подчинены этой же мысли. Например, когда шах Шахбал обратился за помощью к богатырю персидского падишаха Кахарману с просьбой спасти свою жену Кемеррух, Кахарман сразу отправляется в путь. «Полагаясь на милость Аллаха», он спускается на дно колодца, откуда и начинается мир дивов. Дивы, чувствующие приближение к ним Кахармана, говорят: «О, милостивый, да это же богатырь Кахарман». А див Шагбан, разрубленный пополам богатырским мечом Кахармана, оживает и говорит: «Эй, богатырь! В честь уважения твоей веры, поруби меня еще раз своим мечом!» Или же другой пример: после того, как Кахарман разрубил своим мечом дива Эквала, тот «переместился на седьмое дно ада». Как видно из примеров, кажущаяся в какой-то степени самостоятельной мифологическая сюжетная линия дастана не свободна от возвеличивания Аллаха, идеологии ислама и ведения религиозных войн.

В дастане войско шаха Хушана – падишаха персидского государства – в каждом случае соседствует с возвеличиванием в качестве исламского войска, а воины шаха Хушана, как правило, – исламские воины, мусульмане. Сам шах Хушан – «умный и сильный», чрез-

вычайно опытный руководитель, подчинивший себе всех падишахов, кроме индийского.

В одном из писем шах Хушан пишет индийскому правителю о святой миссии своего государства и доводит до его сведения о своем приближении: «От имени властелина земли и неба и его великого пророка. ...На верном пути Аллаха мы со своим мощным и многочисленным (больше, чем муравьев) войском очистим землю от язычников, и осветим весь мир светом ислама». Индийский царь призывается «встать на путь истины» сначала дипломатическим путем, в противном случае, с применением силы.

Как известно из истории, страна, которая начиная с VII в. вела захватническую войну под знаменем миссионерства с целью завоевания Индии – Арабский халифат, а не Иран. Персы также приняли ислам, глубоко пережив такое же влияние. В VII–IX вв. Иран и Средняя Азия в социально-экономическом плане вошли в состав Арабского халифата. В событиях дастана «Кахарман Катил», как это часто было характерно для фольклорного произведения, наблюдается искажение истории, подмена ролей. То, что в произведении распространителями ислама в Индии выступает мусульманское войско Ирана – видимо, результат того, что исторические события в фольклоре испытывают контаминацию. В татарском «Кахармане Катиле» это может быть отражением анахронизма, проникшего непосредственно через персидский письменный источник.

В «Кахармане Катиле» в нескольких местах упоминается, как вражеский правитель и его войско поклоняются огню. В перерывах между сражениями обе стороны хоронили своих погибших воинов. Если тела исламских воинов естественным образом предавались земле, то индийцы тела своих воинов сжигали. Мусульманский обычай захоронения в произведении противопоставляется вражескому ритуалу предания огню. Обычай сжигать трупы или оставлять их на съедение был очень древним, и ислам положил конец этим порядкам.

Арабо-персидские мусульмане огнепоклонников называли кяфирами. «Кяфир» – слово арабское, означает «непризнающий, неблагодарный, неверующий, безбожник, гяур», т.е. не признающий праведный путь, предложенный человеку Аллахом. В Коране он как правило используется в отношении язычников, не признающих ислам. Но в «Кахармане Катиле» слово «кяфир» ни разу не встречается. Все очень просто. Для татар кяфиры – это враги мусульман по вере – соседи-христиане. В Поволжье у татар слово «кяфир» адресовалось к соседним немусульманским народам. С исторической точки зрения это естественно и соответствует истине. В татарском эпосе-дастане есть тому примеры. Например, в дастане, посвященном Чура-батыру, на эту же тему откровенно написано, что врагами Чура-батыра являются соседние христиане, и в этих эпических произведениях они именуются кяфирами⁴.

Иблис – имя дьявола в исламе. «Дьявол – (греч. *diabolos* – сатана, черт, Иблис), в некоторых религиях (христианстве, исламе и др.) злой дух и глава злых духов, противостоящий богу; властелин ада»⁵. Образ Иблиса достаточно глубоко проник в татарское народное творчество и письменную литературу. Несмотря на то, что Иблис появился еще до Корана, бесспорно то, что сведения о нем татары узнали именно через Коран, в Коране о нем немало информации (сура «Пещера», 18:48, 18:50; сура «Аль Хиджр», 15:27; сура «Милосердный», 55:15). Тот факт, что в «Кахармане Катиле» вражеский правитель и его войско поклоняются огню, в произведении приравнивается поклонению Иблису, созданному из огня. По представлению исламского войска шаха Хушана, за вражеским огнем прячется Иблис, который является для них и богом. Получив от Бога-огня, олицетворяющего образ Иблиса, обещание победы, индийцы бросаются в бой и после довольно подробно описанного сражения, в конце концов, терпят поражение. Описание Иблиса не в религиозно-мифологической части дастана, а в светской, т.е. в части, пронизанной религиозной героикой, доказывает, что этот древний образ не имеет ничего общего с древнеиранской или языческой тюркской мифологией и введен в произведение с целью пропаганды исламской идеологии.

Татарский дастан по своему сюжету, именам образов-персонажей, типологическому своеобра-

зию произведения по большому счету сохранил верность персидско-иранским и тюрко-иранским традициям. Несмотря на то, что в основных мотивах дастана нет элементов, противоречащих исламу или касающихся доисламской жизни, его все же нельзя оценивать как произведение, овеянное полностью лишь религиозно-мистическими взглядами и воплощающее в жизнь учение ислама. Здесь речь идет скорее о народном типе ислама, а именно о религии этнических мусульман. Об этом говорит и частая замена имени «Аллах» или «Джанাবে Хак» на «хода», «ходай» и даже «тенгри». В словаре указано, что слова «хода» и «ходай» проникли из персидского языка, а по поводу слова «тенгри» сказано, что еще у древних тюрков оно употреблялось в значении «Аллах»⁶. Употребление в устном разговоре и в письме слов «ходай», «тенгри» в значении Всевышнего, казалось бы, не отвечает требованиям ислама, но использование слова «ходай» у татар и слова «тенгри» (в значении управляющего всем миром) у древних тюрков уже давно закрепилось на уровне местной традиции. Эта традиция вошла в такие жанры народного творчества, как баит, мунаджат, также стала нормой для лексики религиозных дастанов.

Популярную сюжетную линию в дастане составляют мотивы предсказаний и гаданий. Как известно, в соответствии с исламом гадание в исламе считается языческим деянием (ширк – с арабского означает

«многобожие», «язычество», т. е. создание подобия Аллаху). Аллах бесподобен и у него нет потребности ни в ком, поэтому «ширк» считается большим грехом и запрещается во всех формах проявления. Но, как это изречение было характерно для каждого народа, тюркам также было свойственно желание заглянуть в будущее и этот интерес в народе был достаточно силен. Известно, что у древних тюрков уже в конце IX – начале X в. была составлена знаменитая книга гаданий «Ырк битиг». Книга имела большое практическое применение. В древних уйгурских памятниках также упоминается книга гаданий «Ан битиг»⁷. Распространение в более поздние времена книг сонников, возникших на основе этой и других источников, можно рассматривать как отдельную ветвь занятия гаданием. Некоторые исследователи отмечают зарождение такого явления, как «мусульманская магия»⁸. Таким образом, некоторые порядки, которые в самый начальный период ислама были под запретом, на протяжении их существования в истории подчинились давлению глубоких традиций, связанных с человеческой психологией. Следовательно, несмотря на табу в исламе, возникали запретные деяния, более того, предсказания облекались в религиозные формы, даже использовали для этих целей Коран. Предсказание будущего по-арабски звучит как «гылем аль-гайб», т.е. «сокрытые знания». Несмотря на греховность этого деяния, гада-

ние, обращение к гадалкам, к книге гаданий в татарском народе также было чрезвычайно популярным. И в сюжете «Кахармана Катилы» эта древняя традиция, т.е. обращение к различным магическим средствам с целью предсказания будущего, занимает значительное место.

Для событий дастана совершенно не характерны элементы неожиданности, внезапности, отклонения от того, что было предсказано заранее, совершение произвольных действий. Основное правило – преданная служба исламскому войску падишаха, проявление беспрекословного подчинения. Все это соответствует требованиям ислама, предъявляемым мусульманам, следовательно, совпадает с основными правилами образа жизни народа, исповедующего ислам. Суть «Кахармана Катилы» как религиозно-героического дастана состоит в том, что здесь в рамках тюркских эпических традиций занимают место герои и события, не отступающие от правил религиозного бытия мусульманина.

Начиная с рукописей XVIII в. и до 20-х гг. XX в. произведение занимает свое прочное место в татарском наследии художественной словесности. Сюжет и ведущие образы дастана, которые идут от персидских письменных памятников, несмотря на переплетение с мифологическими мотивами, чрезвычайно близки жизни тюрков и тюркскому героическому эпосу. Татарский героический дастан «Кахарман Катил» в жизни народа был не только духовной пищей, но

на решающем этапе исторического развития народа выполнял своего рода идеологическую функцию. Велика вероятность того, что популярность у татар дастана, повествующего о героических приключениях исламских войск в исповедующей языческую религию стране, непосредственно связана с идеей пропаганды и укрепления ислама. Татары-мусульмане, испытывавшие на себе при царизме миссионерские погромы и религиозные притеснения и гонения, благодаря хождению в рукописной форме, а позже и в форме печатных книг, таких героико-религиозных дастанов, как «Кахарман Катил», сохранили свою веру.

Итак, в татарском дастане в основе описания насаждения в дале-

кой Индии ислама лежат татаро-мусульманские взгляды о превосходстве ислама над язычеством. Главные идеи мусульманизации Индии в татарском дастане переплетаются с идеей и целью пропаганды ислама и укреплении его в Поволжье. Идеологическая направленность дастана обеспечивает переход героики в эпосе в религиозную героику, не противоречащую с традиционными канонами героического эпоса. В содержании дастана ислам играет большую роль, эта идея проводится в простой, доступной для читателя форме, главное внимание направлено к художественной эпичности, и именно это качество делает произведение увлекательным и живым.

ПРИМЕЧАНИЯ (Endnotes)

- 1 Арабо-татарско-русский словарь заимствований (арабизмы и фарсизмы в языке татарской литературы). В 2-х т. Т.1. Казан: Иман, 1993. С. 220.
- 2 Мухаметзянова Л.Х. Татарский эпос: книжные дастаны. Казань, 2014. 380 с.
- 3 Арабско-татарско-русский словарь заимствований. (Арабизмы и фарсизмы в языке татарской литературы). В 2-х т. Т.1. Казань: Иман, 1993. С. 206.
- 4 Ибраһимова Л.Х. Төрки халыклар ижатында «Чура батыр» дастаны. Б. 44, 158.
- 5 Большой энциклопедический словарь. В 2-х т. Т.1. М: «Советская энциклопедия», 1991. С.419.
- 6 Ислам. Белешмә-сүзлек. Казан: Татар. кит. нәшр, 1993. Б.151.
- 7 Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С.155.
- 8 Емельянов В. Народный ислам. [Электронный ресурс] – Режим доступа: [ethno.ru / cntnt/narodnij_i.html](http://ethno.ru/cntnt/narodnij_i.html) (дата обращения: 04.04.2017).

Сведения об авторе: Мухаметзянова Лилия Хатиповна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ, e-mail: lilmuhat@mail.ru; Ахметгалиева Гульназ Рафиковна, аспирант I года обучения ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ, e-mail: gulnazero@mail.ru.

Аннотация: Эпос имеет определенные нормативные параметры. Присутствие в ткани эпоса чуждых элементов практически невозможно. Героика в эпосе – обязательное составляющее эпических событий героических дастанов, героическая сторона деятельности эпического батыра в борьбе за свободу, героическое содержание

произведения. В группе татарского героического эпоса отдельное место занимают героико-религиозные эпические произведения. Дастанный эпос «Кахарман Катил» героико-религиозного характера обладает определенными функциями в духовной жизни татар. В исламе, вере в Аллаха народ обрел избавление от национального и религиозного притеснения, находил духовное успокоение. «Кахарман Катил» охватывает древнюю мифологию, историческое прошлое народа, его религиозные традиции. В дастане прослеживается переход героики в религиозную героику. Авторами делается вывод, что подобные «нововведения» в татарском эпосе позднего периода является средством стремления народа на инстинктивном и сознательном уровнях сохранить свою веру, культуру, традиции, язык.

Ключевые слова: эпос, традиция, сюжет, Кахарман Катил, мусульманское войско, идеологическая функция, героико-религиозный.

Abstract: Epos has certain regulatory parameters. The presence of alien elements in cloth is almost impossible. The heroic in the epic is an obligatory component of the epic events of the heroic dastans, the heroic side of the epic batyr's activity in the struggle for freedom, the heroic content of the work. In the group of the Tatar heroic epic, a separate place is occupied by heroic-religious epic works. Dastant epic «Kakharman Katil» of heroic and religious character has certain functions in the spiritual life of the Tatars. In Islam, in the belief in Allah, the people recovered from national and religious oppression, found spiritual tranquility. «Kakharman Kati»l embraces ancient mythology, the historical past of the people, its religious traditions. In dastan, the heroic transition to religious heroics is traced. The authors conclude that such «innovations» in the Tatar epic of the late period is a means of the people's striving at instinctive and conscious levels to preserve their faith, culture, traditions, language.

Keywords: epic, tradition, plot, Kakharman Katil, Muslim army, ideological function, heroic-religious.